

Я подул на похлебку в миске, склонил голову и сделал пару глотков, чувствуя, как приятное тепло наполняет желудок. Когда я поднял голову, чтобы поблагодарить девушку, ее выражение лица меня испугало.

Она подперла щеки ладонями и зачарованно смотрела на меня, улыбаясь чуть ли не до ушей.

— Аран, какой же ты красивый! Никогда таких красивых аранов не видела.

Я на миг опешил — настолько прямолинейной и смелой оказалась эта горная девушка, ничуть не смущавшаяся своих слов. Однако заводить здесь какие-либо амурные интриги мне совершенно не хотелось, тем более что женщины меня не привлекали.

Я вежливо улыбнулся ей:

— Спасибо.

Словно что-то вспомнив, девушка тут же надула губки, и глаза ее потускнели:

— Жаль только, отец говорит, ты — божество...

«Динь-динь-линь», — внезапно снаружи донесся перезвон медных колокольчиков.

— Масо, пора есть! Веди сюда своего маленького Арана, дай нам взглянуть!

— А, иду! — отозвалась она. Значит, ее звали Масо.

— Есть? — переспросил я. Это слово было мне незнакомо.

[Примечание: в оригинале «□□» (шиво) – специфический термин для совместной трапезы, который Масо объясняет жестом]

— Мы, вместе, — девушка сделала жест, будто ест, и указала на висевшую на стене слегка выцветшую темно-синюю меховую куртку с перекрестным воротом. — Это моего отца. Снаружи холодно, Аран, надень, не простудись.

Деревянная дверь отворилась, и хлынувший солнечный свет на мгновение ослепил меня. Я поднял руку, прикрывая глаза, — пальцы окрасились в багровый цвет.

Лишь спустя некоторое время я смог привыкнуть и разглядеть, что снаружи. Был уже вечер. Опустив руку, я первым делом увидел заснеженные вершины гор, парившие над морем лесов в золотисто-багровых облаках заката, словно небесный чертог. Сердце невольно дрогнуло. От

одного взгляда на эти снежные шапки мрак и сумбурные мысли, неотступно терзавшие меня почти год, словно чудом улеглись.

Пронизывающий октябрьский горный ветер ударил в лицо, забрался под воротник. Я поежился и только тогда опомнился, нащупал пояс, свисавший сзади, и затянул его.

— Аран! Иди сюда есть!

Неподалеку раздался голос Масо. Я посмотрел в ее сторону: у костра и подвешенного над ним котла собралась группа людей — мужчины, женщины, старики и дети.

Я не любил шумных сборищ, но эта картина показалась мне такой мирной и прекрасной, что во мне пробудилось давно забытое желание рисовать. Жаль только, материалов здесь не было. Я потер большим пальцем разгоряченную ладонь — надо будет спросить у Масо, может, удастся найти что-нибудь подходящее на месте.

Эта мысль так меня захватила, что я, не в силах ждать ни минуты, широким шагом направился к ним.

Они оживленно болтали и смеялись, но стоило мне подойти ближе, как разговоры смолкли, и все разом уставились на меня. Только теперь я заметил, что у этих горцев, как и у Масо, под глазами залегли нездоровые темные круги, отчего глаза казались большими и пустыми. Я понимал, что зла они мне не желают, но под их взглядами все равно стало не по себе, даже неловко, и волосы на затылке встали дыбом.

— Здравствуйте. Я... представляюсь. Меня зовут Цинь Жань, я из Цзянчэна, художник. Попал в аварию по дороге в горы, меня спас отец Масо.

— Знаем, знаем, ты тот самый маленький Аран, которого спас Сан Булуо, — усмехнулся старый горец с трубкой в руке и похлопал по пустой войлочной подстилке рядом с собой. — Иди сюда, садись, только тебя и ждем, чтобы начать.

Я неловко потер палец о палец и, подражая им, опустил на подстилку на одно колено, с улыбкой кивая в знак приветствия. Но почему-то, когда я сел, несколько пожилых горцев опустили головы, словно не смея смотреть мне в глаза, и отвели взгляды. Мне это показалось странным, но молодежь улыбалась мне открыто. Особенно приветливым был паренек лет шестнадцати-семнадцати с парой маленьких клычков; он сорвал ножку с барана, жарившегося над котлом, и протянул мне:

— Аран, ешь. Гостю — самое лучшее.

— Невежа! — мужчина средних лет рядом с ним резко ударил парня по руке. Баранья нога едва не упала на землю. Мужчина перехватил ее и протянул мне обеими руками, широко

улыбаясь и сверкая белыми зубами на смуглом лице: — Маленький Аран, ешь, ешь.

Чувствуя, что они относятся ко мне уж слишком учтиво, я робко принял угощение обеими руками. Заметив, что все горцы смотрят на меня, я поспешно откусил кусок бараньей ноги и, давась от жира, принялся расхваливать мясо. Только тогда они заулыбались и сами принялись за еду.

Странная напряженность мгновенно исчезла, и я немного расслабился. Из разговоров я узнал, что они принадлежат к племени Нашэ, которое испокон веков живет здесь, в глубине горного хребта Суваця. Когда я рассказал, откуда я родом, несколько молодых людей посмотрели на меня с любопытством, а глаза парня с клычками, который дал мне баранью ногу, загорелись:

— Аран, расскажи еще! Хочу послушать, как там у вас в городе. Наверное, много всего интересного, красивого...

— Сайбан! — мужчина рядом с ним нахмурился и тихо окликнул его.

— Вы никогда не были снаружи? В городе? — я снова вспомнил водителя грузовика, хотел спросить, но, помня предостережение Масо, не решился.

Молодые люди покачали головами, во взглядах их читалась тоска, но они, словно боясь нарушить какое-то табу, больше не спрашивали. За столом воцарилось неловкое молчание. Лишь сидевший рядом старик стукнул трубкой о землю и, кашлянув, проговорил:

— Ешьте, ешьте. Позже Сайбан с ребятами проводят маленького Арана, пусть поохотятся, добудут мяса, чтобы он сил набрался.

— Эм... — я улыбнулся. — Дедушка, спасибо. Я очень рад быть вашим гостем, но я был без сознания несколько дней. Мне нужно связаться с семьей, чтобы они не волновались. У вождя... есть телефон?

Старик покачал головой с растерянным видом, словно не знал, что такое телефон.

«Прямо первобытное общество», — подумал я и спросил:

— Тогда я бы хотел поскорее вернуться в город. Не могли бы вы попросить кого-нибудь проводить меня? Я не знаю здешних дорог...

— Нужно дождаться нового Проводника, — старик затянулся трубкой и медленно произнес. — Маленький Аран, не торопись. Дождись, когда вождь вернется, сначала сил наберись.

Сказано было так, будто меня откармливают на убой. От этой странной мысли по спине

пробежали мурашки, и я невольно усмехнулся.

«Что за чушь лезет в голову. Просто нелепо».

Поскольку связаться с внешним миром пока было невозможно, а передвижение ограничено — нужно было ждать возвращения вождя, — после ужина, вернувшись в дом Масо, я спросил ее о материалах для рисования.

— Рисовать? — услышав мой вопрос, Масо перестала чистить горный бамбук и, взволнованно схватив меня за запястье, спросила, хлопая большими глазами: — Аран, а... ты можешь нарисовать меня?

Я улыбнулся и, опустив взгляд, кивнул.

Лицо Масо мгновенно вспыхнуло, она отвела глаза и, наконец, стала похожа на обычную смущенную девочку, а не на ту смелую девицу, что я видел вначале:

— Когда ты улыбаешься, ты еще красивее. Ресницы такие длинные, глаза такие яркие... просто опьяняют.

Я поддразнил ее:

— Молодым девушкам нельзя так смотреть на людей. Встретишь плохого человека — потеряешь сердце.

— Да кто ж не потеряет сердце, глядя на тебя, — Масо опустила голову. — Я ведь даже не знаю, как тебя зовут...

— Цинь Жань. Можешь звать меня брат Жань, у нас так принято, — сказал я, глядя на эту шестнадцати-семнадцатилетнюю девушку с внезапной жалостью. Такая молодая, впереди еще десятки лет жизни — неужели ей суждено провести их в этой глуши, в полной изоляции от мира? Неужели она так никогда и не увидит, что там, снаружи? Только «Проводник» может выходить наружу... Что за странные правила в этом племени? Неужели никто не хочет их изменить?

Внезапно у двери раздалось: «Эй!». Мы оба вздрогнули. Обернувшись, я увидел голову, просунувшуюся в дверную щель: густые брови, большие глаза, алые губы, белые зубы — это был тот самый симпатичный парень по имени Сайбан.

— Аран, я все слышал! Ты хочешь рисовать, да? Я отведу тебя к нашему деревенскому художнику, хорошо? Только... ты можешь пообещать, что нарисуешь мне... как там у вас снаружи?

Он смотрел на меня с надеждой, глаза его сияли, а когда он улыбнулся, снова показались маленькие клычки — вылитый щенок, только хвостом не виляет.

Я беспомощно улыбнулся, руки, лежавшие на коленях, невольно сжались. После утраты моей музыки я считал себя калекой в рисовании людей, на свои работы смотреть не мог. Но желание ребенка...

Кажется, я должен постараться его исполнить.

— Тсс... Только чтобы мой отец не увидел.

Так был заключен наш тайный договор с двумя детьми. Мы обогнули дом Масо сзади, миновали двор, где держали волков и свиней, перелезли через каменную ограду и по склону поднялись на холм за деревней. Когда мы взобрались на полпути к вершине, далекие снежные горы, менявшиеся с набором высоты, показались мне облаченной в белые одежды святой девой, что медленно поднималась из моря лесов и грациозно танцевала в лунном свете, окутанная подступающим ночным туманом. В ночной тьме горы виднелись смутно, обретая еще более таинственную и неземную красоту, чем на закате.

Я смотрел на изгибы хребта — без сомнения, это были горы Суваця, а самая высокая вершина — та самая легендарная гора Сумилоу. Высочайшая вершина мира, в древней космологии Сунани она считалась границей между инь и ян, ее сердцевина — обитель подземного мира, пристанище всех духов и демонов, а на вершине — небесная лестница, ведущая в чертоги богов. Но, возможно, она и впрямь находилась на границе миров, окруженная невидимым барьером, этакий «Бермудский треугольник» на суше, недоступный для смертных. Множество смельчаков, дерзнувших проникнуть в эти снежные горы, либо бесследно исчезали, испарялись без следа, либо их растерзанные дикими зверями тела находили спустя несколько дней. Городских легенд об этой горе ходило несчетное множество, и со временем почти никто больше не осмеливался ступить в это загадочное место.

Вдруг со стороны снежных гор донеслась мелодия флейты. Я замер.

Звук был совершенно особенным, я никогда не слышал ничего подобного — ни по тембру, ни по мелодии. В сознании сама собой возникла картина: орел, парящий высоко над вершиной горы, в последний миг своей жизни устремляется к солнцу и, обращаясь в пепел, издает прощальный крик, позволяя своим перьям, костям, плоти развеяться по ветру над горами, землей и этим бескрайним морем лесов.

А звук флейты — лишь одно из тех перьев, что пронеслось сквозь облака, подхваченное ветром, пересекло границу жизни и смерти, странствовало сквозь долгое время и, наконец, достигло меня.

Я стоял как зачарованный, потрясенный собственным воображением, сердце колотилось так сильно, словно душа вот-вот покинет тело. Я невольно протянул руку к снежным горам, пытаюсь коснуться этого неосязаемого, похожего на перышко, звука флейты.

«Кто... кто мог играть такую мелодию?»

Должно быть, это... очень необычный человек?

— Эй, Аран, чего застыл? Поднимайся скорее!

Голос Масо резко вернул мою душу в тело. Я посмотрел вверх — они стояли на полпути к вершине и махали мне. Я прополз немного в их сторону и только тогда увидел за их спинами каменную башню.

Откинув висевшее перед входом цветастое полотнище, я снова ощутил знакомый странный запах благовоний. Внутри курился дым, на полу повсюду горели светильники, расставленные кругом. Сверху свисали прямоугольные черные занавеси. В центре круга спиной к нам сидел на полу растрепанный мужчина, склонившись над чем-то, — казалось, он рисовал.

Я не видел его работы, но заметил рядом несколько белых глиняных горшочков с густыми, яркими красками, в которых виднелись крупные и мелкие частицы минералов.

«Это были минеральные краски. Я редко ими пользовался, но несколько раз пробовал».

Заметив блеск в моих глазах, Сайбан хлопнул себя по груди, приложил палец к губам, призывая к тишине, и осторожно перешагнул через свечи, опустившись на колени рядом с мужчиной.

— Учитель Тай У, учитель Тай У... — тихо позвал он, боясь потревожить художника. — Можно... одолжить твоего радужного сока?

«Радужный сок?» Я мысленно усмехнулся. Краски — дар небесных радуг, чем не радужный сок?

— Зачем? — раздался грубый голос мужчины, но он даже не поднял головы.

— Дядя Сан Булуо спас у водопада одного Арана, он художник, как и ты. Мы с Масо... Ай!

Масо наклонилась и ущипнула его за ухо, беззвучно ругаясь одними губами, словно сердясь на его болтливость.

— Художник? — мастер по имени Тай У обернулся, показав землисто-желтое лицо, которое меня напугало. В тот момент, когда наши глаза встретились, при свете свечей его зрачки заметно расширились. Он пристально посмотрел на меня.

— Ты... — пробормотал он.

Я улыбнулся и протянул руку:

— Здравствуйте, меня зовут Цинь Жань. Можно сказать... коллега?

— М-м, нет, невозможно, невозможно, — Тай У не пожал мне руку, а лишь нервно покачал головой и отвернулся. Сайбан подмигнул мне и потянулся за горшочками с краской у ног Тай У, а Масо обошла с другой стороны, чтобы собрать кисти.

Я осторожно вошел в круг свечей и только тогда заметил, что свисавшие сверху черные занавеси — это холсты. Хоть они и были покрыты тонкой белой бумагой, сквозь нее проступали насыщенные цвета, но рассмотреть сами картины было невозможно. Любопытство разбирало, но я не осмелился самовольно поднимать бумагу и неосознанно подошел к Тай У со спины, наклонился, чтобы взглянуть на то, что он рисовал.

Взгляд скользнул через его плечо, и дыхание мое резко оборвалось.

Он рисовал не картину. Он рисовал... человеческую голову.

Ноги подкосились, я пошатнулся и чуть не опрокинул светильник позади себя. Сайбан среагировал молниеносно — вскочил и поддержал меня:

— Осторожно!

Услышав шум за спиной, Тай У обернулся, слегка повернув корпус. Только теперь я разглядел: он раскрашивал деревянную голову. Ко мне она была повернута в профиль: лицо выбелено, губы алые, глаза узкие, с вытянутыми уголками, нос высокий, волосы у висков густые и черные, вьющиеся.

Я невольно вспомнил тот жуткий миг в дождливую ночь, и по телу пробежал озноб.

— Это...

Я не успел спросить. Дети, увидев голову, перепугались до смерти. Схватив краски и кисти, они потащили меня за собой и опрометью выскочили из башни.

Они тащили меня вниз с горы так быстро, что я едва мог дышать. Упершись руками в колени, я выдохнул:

— Хватит, это же просто деревянная голова! Чего вы так испугались?

— Сегодня... не надо было ходить, — Масо, не отрываясь, смотрела на башню, ее глаза беспокойно бегали из стороны в сторону, лицо стало землистым, будто она была в полубморке от страха.

— Умрем, умрем... — услышал я тихий шепот рядом и взглянул на Сайбана. Он стоял, опустив голову, лицо скрыто в тени, дыхание прерывистое.

— Нарушили запрет... умрем, умрем.

Я вспомнил сцену на горной дороге и подумал, уж не наследственное ли это психическое заболевание у племени. Я быстро схватил Сайбана за подбородок и поднял его лицо:

— Очнись, Сайбан!

«Хлоп!» — Сайбан вздрогнул, горшочки с краской и кисти выпали из его рук, расплескав разноцветные брызги ему на ноги. Он поднял голову и посмотрел на меня, словно только что очнувшись ото сна:

— Цинь... Цинь Жань Аран...

Я с облегчением вздохнул, но, обернувшись, замер.

Рядом никого не было. Куда делась Масо?

— Где она? — Неужели испугалась и убежала домой? Я огляделся по сторонам и понял, что что-то не так. Мы были совсем не на той тропе, по которой поднимались. Дома Масо не было видно, вокруг простирался лишь бесконечный лес.

— Где мы?

<http://bllate.org/book/13365/1188545>